

Коллективная монография
по материалам
XVII Международных
Панаринских чтений

РОССИЯ И ЕВРОПА

Взгляд на культурные ценности Славянского мира

**РОССИЯ И ЕВРОПА:
ОБЩАЯ СУДЬБА
И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ
ПРОЕКТЫ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ**

МОСКВА
2020

ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
1871.

УДК 930.85
ББК 66.3(2Рос)
Р76

Редакционная коллегия:

В. А. Черешнев, академик РАН, сопредседатель Научного совета при Президиуме РАН по изучению и охране культурного и природного наследия (председатель)

В. В. Аристархов, директор Российского научно-исследовательского института природного и культурного наследия имени Д. С. Лихачёва

В. В. Миронов, член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Ю. А. Закунов, кандидат философских наук, руководитель Отдела наследования культуры Российского научно-исследовательского института природного и культурного наследия имени Д. С. Лихачёва (ответственный секретарь)

Е. Н. Моцелков, доктор политических наук, заведующий кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

А. В. Никандров, кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (научный редактор)

В. Н. Расторгуев, доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (ответственный редактор)

Россия и Европа: общая судьба и альтернативные проекты цивилизационного развития : монография по материалам XVII Международных Панаринских чтений / отв. ред. В. Н. Расторгуев ; науч. ред. А. В. Никандров ; Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия) ; Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, филос. ф-т. — М. : Институт Наследия, 2020. — 338 с. — DOI: 10.34685/Н1.2020.56.20.011.
ISBN 978-5-86443-330-0

Коллективная монография издается в юбилейный год и посвящена 80-летию со дня рождения А. С. Панарина. В ней обобщены материалы XVII Международных Панаринских чтений на тему «Россия и Европа: общая судьба и альтернативные проекты цивилизационного развития». Всего на чтениях было заслушано около 100 докладов по широкому кругу проблем. Среди основных тем — доминирующие тенденции и противоречия в цивилизационном развитии Европы и России, которые по-разному проявляются во всех сферах культурной жизни и во всех отраслях политики. Особое внимание уделено также сценарному планированию и прогнозированию с учетом цивилизационной специфики России и европейских стран. В ряде статей, имеющих обобщающий характер и цель популяризации культурного наследия, частично используются ранее опубликованные авторские тексты.

Книга рассчитана не только на специалистов в области цивилизационной теории, но и на студенческую молодежь, а также на всех, кто интересуется сохранением культурного и цивилизационного наследия России и мира.

УДК 930.85
ББК 66.3(2Рос)

- © Коллектив авторов, 2020
- © Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2020

ISBN 978-5-86443-330-0

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Расторгуев В. Н. Россия и Европа в современном мире:
цивилизационный синтез или отторжение? (Вместо введения)..... 5

ГЛАВА I

ВЕКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЕВРОПЫ

<i>Чельшев Е. П.</i> Интеллигентность в науке	33
<i>Мионов С. М.</i> Россия и Европа: формы сотрудничества в нестабильном мире и сценарные прогнозы	38
<i>Шевченко В. Н.</i> Россия возвращается к себе (Социально-философские основания цивилизационного проекта для современной России)	43
<i>Черешнев В. А., Расторгуев В. Н.</i> Универсальные законы человеческого развития и возможность междисциплинарного диалога в условиях мультикультурализма	54
<i>Соколова Р. И.</i> Значение цивилизационной теории Н. Я. Данилевского для понимания истоков современного системного кризиса западной цивилизации	60
<i>Громов М. Н.</i> Главные тенденции развития отечественной цивилизации в Новое и Новейшее время	70
<i>Яковлев М. В.</i> Христианский вектор развития России в европейском пространстве	83
<i>Харин А. Н.</i> Цивилизационный глобализм в России	89
<i>Соловьев А. В.</i> «Гибридная война» против России	99
<i>Муза Д. Е.</i> Россия и Европа: цивилизационные антагонисты? (Некоторые соображения к неоконченному спору)	106
<i>Харламова Ю. А.</i> Судьба евразийской цивилизации: сценарные прогнозы	113
<i>Викторов А. Ш.</i> Современная цивилизация: особенности состояния, критерии прогресса и контуры будущего	121
<i>Васильев Г. Е.</i> основополагающие различия Русской и Западноевропейской культурно-исторических систем	133
<i>Астахова А. С.</i> Конкуренция цивилизационных проектов и опасность возрождения национал-социализма	138

<i>Шишкова А. Ю.</i> Принципы глобального политического прогнозирования А. С. Панарина и возможности построения долгосрочных политических стратегий	150
<i>Гвоздков С. Д.</i> Эволюция либеральной идеологии и логика цивилизационного процесса	156

ГЛАВА II КУЛЬТУРНАЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ: ИСПЫТАНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ

<i>Спиридонова В. И.</i> Реконструкция идентичности как вызов однополярной глобализации: европейская и российская позиции	166
<i>Бажов С. И.</i> К вопросу о формуле национального согласия в современной России	177
<i>Казин А. Л.</i> Европа и Россия: опыт верующего разума	201
<i>Толок Е. С.</i> Проблемы сохранения культурной идентичности России в условиях столкновения цивилизаций	236
<i>Никандров А. В.</i> Сталинское конструирование всенародного государства и реконцептуализация марксизма	243
<i>Буркова (Глушенкова) Е. И.</i> Русская цивилизация в условиях глобального экологического кризиса современности: вызовы и ответы.	273
<i>Трухан А. В.</i> Идеократическое противостояние России и Запада: эсхатологическая интерпретация историософии А. С. Панарина	282
<i>Парубин К. О.</i> Монархические династии в условиях глобализации	291
<i>Филатов А. С.</i> Российский узел сборки оси мировой культуры. Европа и Россия в мировом культурно-цивилизационном пространстве: «вахту сдал — вахту принял».	298
<i>Скоробогачева Е. А.</i> Проблемы современного художественного образования в контексте сохранения культурно-цивилизационного наследия	314
<i>Шаритов А. М.</i> Сохранение цивилизационной идентичности — солидарная ответственность художника и государства	320
<i>Яковлев А. А., Пчелко-Толстова Е. А.</i> Методологический потенциал идей Н. Я. Данилевского и А. С. Панарина для исследования партийных систем России и Германии.	325
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.	334

Глава I

ВЕКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЕВРОПЫ

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ

Интеллигентность в науке

От редакции

Сегодня мы воспроизводим доклад, который открывал первые Панаринские чтения, проведенные вскоре после смерти Александра Сергеевича по инициативе его большого друга и соратника Изольды Константиновны Кучмаевой — ректора и основателя Государственной академии славянской культуры в самом центре Кремля — в Оружейной палате. А. С. Панарин был одним из организаторов и профессоров академии, которая сразу после своего возникновения превратилась в центр духовного притяжения славянских стран и народов, не желавших в одночасье разрушать пространство многовекового Русского мира, которое приобрело формы содружества в эпоху становления социалистического лагеря и биполярной политической системы. Ее крушение пробудило центробежные силы, но среди ведущих политиков славянских стран и, что особенно важно, среди всех слоев населения и творческой интеллигенции, выдающихся интеллектуалов было много тех, кто сохранял верность славянскому братству.

Трудно переоценить значимость ежегодных Миссий ГАСК, которые проходили во всех славянских странах и соединяли тысячу нитей всех, для кого Россия оставалась сердцем Русского мира и Православной цивилизации, не скованной границами Российского государства, которые были отодвинуты внутрь России после ее предательства и распада. Эту катастрофу, которая превратила миллионы русских людей в политических изгоев и «недограждан» на собственной земле, превратила некогда единые государства в послушные инструменты русофобской политики, В. В. Путин позднее назовет самой большой катастрофой XX столетия. Инициативы академии, по сути, выполняли миссию России, восстанавливая и поддерживая живые контакты между Россией и оторванной от России славянской Европой, и огромную роль в этом играл Панарин — и как организатор, и как участник Миссий. Поэтому его кончина стала ударом по общему делу.

Первые Панаринские чтения открывал доклад его близкого друга Евгения Петровича Чельшева — академика РАН и выдающегося ученого-индо-

лога, уникального специалиста по теории и практике межкультурного сотрудничества. Именно он был тем человеком, который олицетворял политику сближения России и Индии, а также одним из основных инициаторов восстановления связи Российского государства с российскими соотечественниками, волею судеб оказавшихся за пределами России. Именно он пригласил А. С. Панарина в бюро созданного им Научного совета по изучению и охране культурного и природного наследия при Президиуме РАН, в рамках которого разрабатывается и осуществляется программа «Цивилизационный путь России», одним из проектов которой и являются ежегодные Панаринские чтения. *Сегодня мы публикуем стенограмму этого доклада, сделанного 18 лет назад, но не потерявшего своей актуальности.*

Я очень рад, что мне предоставлена возможность выступить на пер-вых чтениях, посвященных памяти Александра Сергеевича. Он был не только моим коллегой, но и близким другом, товарищем. В течение многих лет мы с ним работали рука об руку, поэтому мое выступление будет не анализом его научных идей и трудов, а выражением личностного отношения к моему товарищу, о котором я никак не могу думать в прошедшем времени... Я всегда смотрел на него как на молодого человека. И очень обидно и горько, когда уходят люди гораздо моложе, чем ты. Его кончину я воспринял как большое личное горе. Я был на похоронах в Домовом храме св. мц. Татианы при МГУ и видел, как пришли выразить соболезнование его супруге и свою боль люди, которые были к нему близки.

Расскажу о наших совместных научных делах. В течение последних 12–14 лет, когда возникало много нового, рождались интересные идеи, которые нужно было реализовывать, я прежде всего звонил Александру Сергеевичу. Он тут же приезжал, бросив все свои дела: понимал, что это очень важно. Мы с ним часами сидели, долго обсуждали разные вопросы, которые нужно было решать вместе. Александра Сергеевича уже нет, но все равно я все время общаюсь с ним: «А что бы подумал Александр Сергеевич? Как бы он отнесся к этой проблеме?» Это — своеобразный разговор с единомышленником, близким другом, которому я абсолютно доверял. Мы с ним были единомышленниками почти по всем вопросам. Конечно, иногда бывали и дискуссии. Но тем не менее мы были близко связаны с ним и по своим взглядам, и по своим подходам к работе.

Александр Сергеевич был привлечен к той масштабной работе по обновлению общественных наук, которая велась у нас в 90-е годы. Он начал ею заниматься еще в период застоя. Труды его пронизаны идеями, которые не очень-то воспринимались и одобрялись теми, кто тогда управлял нашей наукой. Первый раз я услышал его имя по какому-то зарубежному радио, уж не помню какому. Выступал Борис Парамонов — наш соотечественник, который живет за рубежом и часто выступал по радио. И он сказал: «Знаете, мне как-то странно, что я стал читать журнал “Вопросы философии”. И почему

я стал читать этот журнал? — Потому что для него пишет Панарин». До этого я с Александром Сергеевичем не встречался, хотя знал, конечно, его имя. Пришел на работу, попросил, чтобы принесли мне журналы «Вопросы философии», где есть статьи Александра Сергеевича, и прочел с радостью, чтобы подготовиться к беседе с ним, чтобы знать его взгляды, позиции.

В течение 15 лет я был академиком-секретарем в отделении литературы и языка Российской академии наук и потому соприкасался с разными философскими проблемами, но, прежде всего, связанными с изучением языка, с лингвистикой, литературой, эстетикой и т. д. Это круг тех интересов, в который входили институты, которые я курировал.

У нас работал семинар, высказывались полярные точки зрения, когда одни осуждали, а другие устойчиво стояли на своих прежних позициях, особенно наши философы и филологи. Много было обществоведов, которые делали вид, что перестраивались, другие действительно по-иному стали смотреть на материал, который изучали. И первый же вопрос: сможем ли мы грамотно распорядиться и воспользоваться культурным наследием российской эмиграции? Помните, в то время прошли два конгресса соотечественников в Москве — в 1991 и 1992 годах? Я на этих конгрессах руководил специально созданной группой ученых Российской академии наук. Трудность заключалась в том, что тема о российской эмиграции, как вы понимаете, была табуирована. Я ею занимался по ряду причин: и потому, что причастен к ней своими семейными истоками, и потому, что она относится к моим научным интересам. Я читал многое из того, что было запрещено, поэтому был в курсе многих вопросов.

Первый наш разговор с Александром Сергеевичем был как раз по этому поводу. Я просто поразился тому, что он, хотя и не занимался специально этой проблемой, тем не менее имел удивительное свойство — быстро входить в проблему, молниеносно ориентироваться. Ему это удавалось, потому что он был воистину мастером междисциплинарных исследований. Что бы он ни писал, ни говорил и ни делал, о чем бы ни думал, он свободно ориентировался в вопросах политологии, социологии и философии. И добавлю к этому списку литературоведение. Он профессионально интересовался и этим предметом. И всегда говорил по делу и очень интересно, связывая воедино различные факты.

Хотел бы отметить, что мысли Александра Сергеевича Панарина, его идеи по поводу культурного наследия Российской Федерации до сих пор живы, интересны. Они дают возможность тем, кто занимается этой проблематикой, взглянуть на нее шире, представить культурное наследие Российской Федерации как часть, нераздельную и органическую, русской культуры, которая развивалась в самых различных социально-экономических и политических условиях.

Помню очень интересные дебаты вокруг Евразийской идеи. Сейчас споры немножко затихли, но тогда это очень живо всех нас волновало. Особенно после того, как Назарбаев усомнился в целесообразности сохранения

СНГ и выступил с инициативой об организации Евразийского союза, предложив по-новому осмыслить проблемы Евразии, вернувшись к Евразийской идее. Сам я очень активно участвовал в этих дискуссиях, много писал, но Панарин был первый, с кем я посоветовался по данному вопросу. Позвонил ему: «Вот, Александр Сергеевич, тут такая проблема, — говорю, — там Петров Клуб реалистов организовал...»

Многие мыслящие ученые, которые не очень поддерживали эту идею, были ориентированы прежде всего на Запад. Другие смотрели на русское самосознание как на очень сложный синтез, возникший при взаимодействии восточной и западной культур, и поддерживали идею. В процессе обсуждения не обошлось, конечно, без перегибов и вздорных суждений, но были и конструктивные споры, хотя и жесткие. Александр Сергеевич предлагал выйти за пределы политизации, избегать политической ангажированности. Он говорил: «Давайте взглянем на это дело только как ученые, ни в коем случае не снижая планку до политических лозунгов и призывов». Трубецкой говорил: «За Россию я пойду умирать, а за Евразию вряд ли». Некоторые тогда считали даже, что надо чуть ли не страну нашу назвать Евразией вместо России. Все споры имели политический характер, в них участвовали и члены Федерального собрания. Но всегда голос Панарина звучал как голос человека, не отступающего ни на йоту от здравого, научного, академического подхода. Он придавал этим политизированным, идеологизированным формам дискурса научное звучание.

Много интересных мыслей высказал А. С. Панарин и по поводу национальной идеи. Помню разговор, когда Александр Сергеевич сказал: «Ты знаешь, кажется, что в национальных гимнах (а я исследовал национальные гимны различных стран) действительно отражена основа национальной идеи — и в немецком, и американском, и индийском... Предположим, национальная идея, которую индийцы выражают как единство в многообразии. И национальный гимн, душа народа, пронизан этой мыслью, единством в многообразии. Вот пример, где национальная идея отражена абсолютно точно. Она очень близка нам, потому что к нам имеет прямое отношение единство в многообразии — именно в этом особенность наших культур и цивилизаций, наших языков, конфессий и народов. Как здорово индийцы придумали еще в глубокой древности, и Рабиндранат Тагор повторил то, что нашло воплощение в индийском гимне “Душа народа”». Я по специальности своей востоковед, был переводчиком с языка хинди, с Хрущёвым летал в Индию. Я был лучшим знатоком хинди, когда были еще 50-е годы. Вы извините, что я о себе говорю, но я хочу вам объяснить, как быстро Александр Сергеевич входил в суть дела.

И вот совсем недавно, это было года 4 тому назад, у нас присуждались степени доктора, кандидата наук по культурологии. Многие получили культурологические степени, утвержденные ВАКом. Была разработана специальная программа. И вот кому-то пришла в голову мысль (по-моему, в Институте фи-

лософии), что культурология — это фактически связанный с философией элемент, который не следует рассматривать как отдельную дисциплину. И предложили исключить ее из номенклатуры ВАКа вместе с присуждением докторских степеней. Директор Института культурологии тут же позвонила мне и сказала: «Евгений Петрович, как же так?» А я сразу же позвонил Панарину: «Александр Сергеевич, возникла сложная проблема, мне завтра на ВАКе нужно как-то обосновывать. Я за то, чтобы культурологию оставили. Она имеет отношение к философии, но это — отдельная дисциплина». И вот мы с ним вместе, я помню, сидели, сочиняли этот документ для ВАКа, который получился весьма убедительным. Александр Сергеевич умел находить четкие и убедительные аргументы. Он давал четкие и ясные формулировки, убеждающие не только специалистов, но и посторонних наблюдателей.

И последнее, о чем я хотел бы сказать, — о Совете, который был создан еще в 1990 году и потом несколько раз реорганизовывался; сейчас он называется «Научный совет при Президиуме РАН по охране и изучению природного и культурного наследия». На Президиуме природоведы сказали: «Давайте соединимся вместе!» Тогда еще был жив академик Соколов, академик-секретарь отделения. Потом, после его кончины, пришли другие. И эта проблема повисла в воздухе. Надо было доказать на Президиуме РАН, что эти дисциплины — и естествоиспытателей, и гуманитариев — должны функционировать в тесном контакте, потому что и природа, и человек связаны. Эти подходы взаимодействуют и очень близки. И панаринская формулировка для нашего Совета до сих пор является эталоном. Я имею в виду его обоснование междисциплинарного подхода к этой проблеме. Данный Совет у нас — один из немногих, который подтверждает на деле эту идею. Это общий научный комплекс точных, естественных, гуманитарных, общественных наук, составляющий суть Российской академии наук.

Мне очень приятно, что в этом зале собралось так много людей. Я чувствую, что они пришли не по принуждению, а по зову сердца. Кончина Александра Сергеевича была воспринята как общее горе. Знаю многих людей, совершенно разных по своим взглядам, убеждениям, — все они поняли, кого мы потеряли. Это был не просто ученый, это был деятель культуры, камертон, который настраивал людей на служение России, что очень важно для сохранения ее целостности, для нашего русского самосознания. Он всегда очень интересно полемизировал, у него была деликатная, настойчивая и принципиальная полемика, но в то же время он никогда не оскорблял тех, с кем он был не согласен. Эта важная черта — интеллигентность в науке — была совершенно органична для Александра Сергеевича. Я считаю: надо не только собираться раз в год, но и создать школу Панарина, собирать панаринских учеников, последователей, потому что он — действительно уникальное явление и в науке, и в русской культуре. Спасибо за внимание.

**Россия и Европа: формы сотрудничества в нестабильном мире
и сценарные прогнозы**

В едином ряду мыслителей, которые навсегда останутся в памяти наших граждан, поскольку приблизили нас к пониманию миссии России в историческом процессе, стоят Николай Яковлевич Данилевский — создатель теории культурно-исторических типов, приоткрывшей логику цивилизационного развития мира, и Александр Сергеевич Панарин. Именно он показал глубинные расколы и препятствия на пути к осуществлению этой миссии в условиях стратегической нестабильности, когда перестают функционировать социальные и политические институты, идеологические доктрины и даже многопартийные системы, а также базовые гарантии коллективной безопасности, возникшие в эпоху биполярной системы.

Именно ему принадлежит первенство в разработке методологии глобального сценарного прогнозирования, вскрывшей глубинные механизмы глобализации, не только унифицирующей цивилизационное многообразие мира, но и использующей любые межцивилизационные конфликты и противоречия для осуществления геополитических целей, несовместимых с мирным развитием стран-цивилизаций. Особое место среди них занимает Россия, которую неоднократно пытались и пытаются ныне втиснуть в прокрустово ложе европейского пути цивилизационного развития.

В этом году мы отмечаем 150-летие выхода в свет книги Данилевского «Европа и Россия», перевернувшей представления современников о природе мировых цивилизаций. Но можно с полной уверенностью сказать, что ее подлинное значение еще не открылось современникам. На Всемирном русском народном соборе, который впервые прошел в Кремлевском дворце, об этом убедительно говорил Президент России В. В. Путин, сославшись на мысль Данилевского: «...Ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтобы она представляла высшую точку развития...» В. В. Путин подчеркнул, что «сегодня понимание такой сложности развития цивилизаций служит фундаментальной основой для многополярного мира, для отстаивания принципов международного права. И вес, влияние полюсов будущего развития, конечно же, прежде всего будут определяться их экономической, научной, культурной, духовной и человеческой основой, потенциалом. Вот почему так важны наши и ваши усилия, призванные объединять, консолидировать работу гражданского общества и государства. То, что наши предки называли соборным разумом, соборным опытом».

Да, европейская цивилизация при всей значимости ее достижений не может быть образом для «переформатирования» мира и России по универсальному образцу хотя бы потому, что переживает не лучшие времена,

да и не только по этой причине. Главная причина заключается в том, что именно многообразие человеческого мира и составляет основу потенциала его развития, а любые образцы служат лишь стимулом для взаимообогащения, но не для механического копирования. Тем более не существует и не может быть единой формулы цивилизованности и варварства.

По словам Данилевского, Петр I, познакомившись с Европой, пожелал во что бы то ни стало сделать Европой и Россию: «Видя плоды, которые приносило европейское дерево, — писал Данилевский, — Петр заключил о превосходстве самого растения, их приносившего, над русским еще бесплодным дичком (не приняв во внимание разности в возрасте, не подумав, что для дичка, может быть, еще не пришло время плодоношения) и потому захотел срубить его под самый корень и заменить другим».

Но история повторяется, и все мы были свидетелями катастрофы, которая привела к крушению СССР и разделению народов, в том числе государствообразующего русского суперэтноса. Одной из ее причин была столь же безумная готовность подрубить под корень само тысячелетнее государство, которое только начинало возвращать себе собственную цивилизационную идентичность — уважение к традициям, многовековым святыням, исторической памяти многих поколений. И мы все стали свидетелями того, как эти два прямо противоположных процесса — крушение государственных устоев и возвращение духовных ориентиров — совпали по времени. И потребовались колоссальные усилия, чтобы остановить инерцию распада. Теперь настало время собирать камни и залечивать раны, нанесенные единому российскому древу, лишившемуся своих мощных ветвей, в том числе и государствообразующих, неразрывно связанных с едиными цивилизационными корнями.

Для того чтобы оправдать содеянное, политики, готовые насильственно переконструировать мир под свои идеи, пытаются переписать и всю мировую историю, в том числе и историю нашего общего Отечества. Но в фальсификации истории не следует винить только врагов России, а точнее ее «геополитических партнеров», заинтересованных в усыхании российского древа. Как говорил Панарин, «мы ничего не поймем в характере нашего народа, не постигнем логику его исторического развития, если истолкуем трагическую прерывность нашей истории в смысле алогичных внешних вмешательств или станем, как это делают, например, сегодняшние украинские националисты, различать не два периода единой истории, а две истории двух разных или ставших разными народов — киевского и московского».

Александр Сергеевич острее других чувствовал весь трагизм и историческую несправедливость происходящего, поскольку был кровью от крови сыном единого русского народа. Он был родом из Горловки — шахтерского города, жители которого воочию увидели, что такое война цивилизаций, ведущаяся методами разделения элит, а затем и единого народа на враждующие народы. Источник этой войны заключается в смене образцов цивилизацион-

ной идентичности — с собственной на якобы европейскую. Панарин, как никто другой, хорошо знал, к чему приведет деформация национальной культуры, отказ от русского языка и неделимого цивилизационного наследия. К тому же он единственный, пожалуй, из мыслителей нашего времени, кто видел тесную связь между представлениями о становлении великих цивилизаций, в том числе и русской, и социальной проблематикой, идеей социальной справедливости. А именно она является основой программы партии «Справедливая Россия».

Поэтому я придаю особое значение ежегодным Международным Панаринским чтениям, уже семнадцатым по счету, и неоднократно был их участником. Именно здесь и сегодня мы учимся прогнозировать отдаленные последствия принимаемых судьбоносных решений, просчитывать все возможные сценарии развития событий, опираясь на научную методологию и теорию, способную объяснить тектонические сдвиги в мире цивилизаций. В этом отношении учение Панарина — хорошая основа для такой работы. Обостренное чувство справедливости и полное неприятие лжи — это и есть глубинная мотивация и ядро его цивилизационной концепции, которая потому и объединяет людей, способных отличать корысть от высших смыслов, вечное от суетного, должное от постыдного. Без такого знания политика мертва. Именно по этой причине все, кто пытается осмыслить наследие Панарина, являются единомышленниками.

Тема XVII Панаринских чтений — «Россия и Европа: общая судьба и альтернативные проекты цивилизационного развития» — очень точно, по-моему, фиксирует внимание на одной из главных болевых точек современной политики России — на историческом выборе цивилизационного пути, который нам предстоит сделать, чтобы не повторить страшный опыт распада государства. В обществе просыпается интерес к собственным мыслителям, способным вернуть смысл государственным делам и решениям, а не к одной лишь заемной мудрости и не к тем моделям социально-политического устройства, которые сложились в странах, называющих себя цивилизованными, но убивающими сердце своей цивилизации — веру отцов и самобытность культуры.

Путь российского цивилизационного развития — это большой и сложный путь.

Хотелось бы на этом пути выделить ряд проблем.

Первое. Отказ от государственной идеологии в Конституции РФ оказался отказом от поиска образа Будущего. Идеология по-прежнему трактуется как навязываемое, единственно верное учение. Между тем **идеология — это базисные ценности общества, наше миропонимание.**

Сегодня образ будущего ищут не идеологи, а те, кого стали называть «мыслевиками». Это — технологи-прагматики, горизонты мышления которых ограничиваются текущими избирательными кампаниями.

Отрицание идеологии проявилось и в бюрократическом отношении к гуманитарным наукам и гуманитарному знанию вообще.

Сделаю небольшое отступление. Мне не понятны сетования некоторых центральных СМИ на то, что система высшего образования — это конвейер, создающий недовольных. Особенно достается гуманитарным наукам. В стране, оказывается, слишком много гуманитариев с нереализованными амбициями. Отсюда проблемы.

Мысль о том, что образование или знания могут быть вредными, кажется мне глубоко порочной!

Напротив, реальная проблема — это именно отсутствие полноценной гуманитарной составляющей высшего образования. А высшее образование сегодня не может не быть массовым!

Высшая школа страдает не от избытка гуманитарных специальностей, а от расплывшейся агрессивной бюрократии, которая превращает работу преподавателя в нескончаемый бумажный конвейер.

Сегодня, разумеется, нет особой нужды в том, чтобы навязывать людям общеобязательную государственную идеологию и единое унифицированное мировоззрение. Но не нужно впадать и в другую крайность — в идеологическую зависимость от других стран-цивилизаций. В массовом сознании национальная идеология востребована, она является фундаментальной потребностью российского общества, которое не может жить без смысла и цели.

Общенациональная идеология — это не набор догм, а стратегическая цель развития государства, символ общенационального согласия и единства.

Собственный путь России немислим без мечты. Российское общество, российский народ настойчиво требует вернуть ему мечту. Русская мечта — это не бесплодные и беспочвенные фантазии. **Русская мечта всегда была связана с образами российской истории. Это — желанный образ Будущего, это — смысл существования, заветная цель, к которой устремляется каждый человек, каждое новое поколение, страна на протяжении столетий.**

Второе. Чтобы войти в этот новый мир, надо остановить нынешний натиск неолиберализма, реставрацию модели «свободного рынка», которая, казалось бы, осталась в прошлом.

Рынок активно «колонизирует» ранее защищенные от него участки социального пространства. Мысль Александра Панарина о возникновении «либерального расизма», построенного на психологии новой «касты господ», видящих в большей части населения земного шара лишь источник обогащения для узкой прослойки сверхбогатых, сегодня крайне актуальна. Разделительные линии проходят не только между странами, военными и политическими союзами, но и внутри национальных сообществ, структурированных по разным социально-классовым признакам.

Возникают новые виды неравенства в сферах здравоохранения и образования, экологии и цифровизации.

Проблема социального неравенства обостряется и в России. Российское общество уже два десятилетия подталкивает власть к решительным дей-

ствиям, но пока оно не может переломить ее социально-экономический курс, который лишь усиливает социальные дистанции между разными слоями общества. **Рост социального неравенства — это главный тормоз экономического развития страны. Пока мы этого не поймем — будем топтаться на месте.**

Третье. В рамках цивилизационного проекта российского общества мы должны обратить особое внимание на отечественную культуру, которая формирует наше коллективное самосознание и нашу национальную идентичность. Именно культура свидетельствует, что у страны есть свой неповторимый опыт цивилизационного развития.

Россия — это огромный дом, в котором на протяжении веков складывалось и укреплялось поистине уникальное содружество различных народов, языков, религий и регионов. Оно на порядок превосходит западную мультикультурную модель, и, уверен, его не постигнет участь последней.

Мы решительно выступаем против как унификации культур, так и отгораживания культур друг от друга. И то, и другое ведет в тупик. **Сохранение на протяжении веков многоконфессиональной, многонациональной и многокультурной России — это уникальная особенность Российского общества и Российского государства.** Причем речь должна идти не просто о сохранении, но и взаимном обогащении и развитии культур многонациональной России.

Это наша русская, российская дорога, дорога освоения огромных неведомых пространств мира, и в этом освоении мы обретаем наше подлинно человеческое счастье. Дорога — это символ нашего бесконечного стремления к совершенству человека, к его всестороннему развитию на путях освоения и покорения пространства во всех его проявлениях.

Думаю, я не ошибусь, если назову наиболее распространенные черты российского человека. Это **чувство справедливости и внутренней свободы, стойкость и воля к победе, неприятие социального неравенства, признание приоритетности социальных прав наряду с политическими и одобрение миссии государства как выразителя общего дела.** Вот именно такой человек уверенно двигался и будет двигаться по дорогам нашей мечты.

Это и есть наш ответ на тот цивилизационный вызов, который бросает история XXI века современной России.

**Россия возвращается к себе
(Социально-философские основания цивилизационного проекта
для современной России)**

Сегодня, в период такой быстротекущей жизни, изменчивой, непредсказуемой и нестабильной, многочисленные попытки заглянуть в будущее редко кончаются удачей. А. С. Панарин принадлежит к тем великим ученым и подлинным мыслителям, которые в своих работах опережают время на многие десятилетия, а нередко и на века. Александр Сергеевич решительно отвергал либеральную идеологию глобализма, которая к тому времени стала господствующей в российском общественном сознании. Он постоянно говорил и обсуждал, особенно в последних книгах, те вопросы, которые должны стать самыми важными в актуальной повестке дня научного сообщества. Хотелось бы привести один интересный эпизод из моих личных встреч с А. С. Панариным. В 2002 году мы вместе участвовали в работе круглого стола на тему «Человеческий потенциал России в эпоху глобализации», организаторами которого выступили в Петербурге Российская партия жизни (с 2006 года — партия «Справедливая Россия») и Информационное агентство «Росбалт».

А. С. Панарин в ходе выступления сказал, что «глобализация нуждается в очень серьезной теоретической проработке с позиций альтернативного подхода. Если хотите — в революции самого понятия, которое пора взрывать изнутри мощными методологическими средствами»¹. Он получил резкий отпор со стороны выступившего вслед за ним С. А. Караганова, очень влиятельной тогда фигуры, — зам. директора Института Европы РАН, Председателя президиума СВОП. Он сказал, что обвинения Вашингтонского консенсуса, а Панарин его резко критиковал, выступая за выход России из него, «являются вещью абсолютно контрпродуктивной, вредной, ведущей Россию в никуда»². А когда в конце круглого стола был проведен блиц-опрос участников дискуссии «В чем вы видите сильную сторону человеческого ресурса России?», Александр Сергеевич ответил: «Главный ресурс России — это коммуникабельность. Об этом говорил и Достоевский — “всечеловечность человека”. Эту мысль очень хорошо уточнил академик Н. Н. Моисеев, который видел Россию как центр мировых коммуникаций»³.

Сегодня, говоря об альтернативных проектах цивилизационного развития, нельзя не признать, что в центре цивилизационного проекта России оказывается всечеловечность. Именно о ней и говорил уже тогда, в далеком 2002 году, А. С. Панарин.

1 Человеческий потенциал в эпоху глобализации : материалы круглого стола. М., 2003. С. 19.

2 Человеческий потенциал в эпоху глобализации. С. 26.

3 Человеческий потенциал в эпоху глобализации. С. 105.

Среди приоритетных научных направлений Института философии РАН особое место занимает сегодня исследовательская программа «Российский проект цивилизационного развития». Ее руководителем выступает директор института академик А. В. Смирнов. Его книга «Всечеловеческое vs общечеловеческое» (2019) во многом посвящена изложению основных положений этой программы.

В условиях динамичного становления многополярного или полицентричного мира отношения между западной, евроатлантической, цивилизацией и не-западными цивилизациями постепенно приобретают качественно иной характер. Но многополярность — это скорее явление политическое, порождение и результат современной реалполитики ведущих стран мира. В упомянутой выше работе «Общечеловеческое vs всечеловеческое» А. В. Смирнов отмечает, что «основным противоречием текущего момента становится противоречие между декларируемым проектом многополярного мира... и отсутствием проекта много-цивилизационного мира, более того, даже отсутствием осознания его необходимости. А ведь многополярный мир возможен как устойчивый только в качестве много-цивилизационного мира»¹.

Отношения между Европой, евроатлантическим миром в целом, и Россией проходят сегодня критическую точку. Не столь давняя социально благополучная Европа, которая когда-то под влиянием успехов Советского Союза предприняла серьезные шаги по реализации модели «государства всеобщего благосостояния», неотвратно уходит в прошлое. Кто сегодня будет рассуждать всерьез о Европе как о примере для подражания, настаивать на догоняющей Европу модели развития страны. Период мирового господства идей либерализма, в том числе и социального либерализма, заканчивается. Вместе с ним, с этим господством, заканчивается огромная, длившаяся несколько столетий эпоха господства западной цивилизации в мире.

Европа — наш исторический сосед, с которым у нас много общего. Но сегодня нужно заново переосмыслить саму постановку вопроса об общей исторической судьбе Европы и России. Смена исторических эпох — это и новое понимание нашей общей исторической судьбы, если мы все-таки и есть в чем-то родственные цивилизации. А высокий ныне уровень нашего противостояния Европе не означает отрицания Европы или изоляции от нее. Это свидетельство нашей обороны от ее агрессивности и либерального экспансионизма.

Российское общество в последнее время научилось, хотя еще не во всем и не всегда, защищать свою культуру, свои традиции, вековые устои семьи, согласно которым продолжают жить миллионы наших граждан. Уместно тут вспомнить ту острую дискуссию, которая проходила в обществе вокруг законопроекта «О профилактике домашнего насилия». 182 организации (от Петербурга до Камчатки) в открытом письме В. В. Путину выступили против

1 Смирнов А. В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. М., 2019. С. 24.

принятия этого закона как угрожающего самим основам традиционной российской, русской семьи.

«Общечеловеческие» ценности на поверку оказались европоцентричными. Сегодня отечественная мысль говорит о необходимости отказа от такого понимания общечеловеческих ценностей в пользу всечеловеческих ценностей, о которых много сказано в русской философии (Данилевский, Достоевский, классическое евразийство). Сегодня всечеловечность начинает обсуждаться как проблема всесубъектности российского общества.

Россия возвращается к себе. Мы перестаем быть скитальцами, которые никак не могут определить себе место в жизни. В пьесе «Горе от ума» А. С. Грибоедова Фамусов говорит Чацкому: «Да расскажи подробно, где был? Скитался сколько лет! Откудова теперь?» Тема скитальчества — наверное, ключевая во всей отечественной как художественной, так и философской литературе XIX–XX веков. Говорить о своем, собственном пути развития России только в последнее время становится привычной нормой в научном и разговорном русском языке. В XIX веке в среде русских либералов появилось выражение «русский европеец». В него вкладывался тот смысл, что быть русским и означает быть европейцем, что русскость полностью проявляется в европейскости, которую так настойчиво стремились перенести на русскую почву отечественные либералы-западники. Ныне русский европеец уходит из повседневного употребления. Быть русским европейцем становится немодным.

Но остается нерешенным главный для российских людей вопрос: «Кто Мы? Зачем Россия призвана в этот мир?» С каждой сменой культурно-исторической эпохи, а сегодня мы как раз имеем дело с такой сменой, приходится заново отвечать на этот вопрос. Сделан ли нами сегодня цивилизационный выбор? Нет, еще не сделан. И дело здесь не в выборе названия цивилизации. Дело в самой сути. Проблема цивилизационной идентичности России — это проблема самотождественности. Ответ на вопрос особенно важен для нас потому, что он раскрывает духовно-нравственные ценности и нормы, традиции и высшие смыслы жизни — и стратегические цели как для всей страны, так и для каждого человека в отдельности. Право на альтернативный путь цивилизационного развития в сравнении с Западом российским обществом поистине выстрадано всей его многовековой историей. И тем не менее мы находимся сейчас в самом начале пути.

Российской мысли следует более активно заняться обсуждением всех аспектов цивилизационного проекта, его отсутствие усиливает неустойчивость, непредсказуемость изменений в обществе; но общество, надо надеяться, теперь с избранного пути не свернет или не должно свернуть ни при каких обстоятельствах.

Сегодня важно говорить о нашем общем стремлении к обретению отечественной философией права на свой самостоятельный и независимый облик, на свою национальную, цивилизационную суверенность. Такой облик

она в состоянии обрести и развивать при всем многообразии конкретных точек зрения и взглядов в обществе, при всех тех зарубежных философских контактах, взаимодействиях и заимствованиях, которые сегодня имеют место. И при всем том давлении, которое идет с Запада, в частности, на нашу публикационную деятельность — прежде всего, на журнальные публикации статей. К сожалению, ситуацию в современной отечественной философии в ее отношениях с западной философией можно оценить как стремление западной мысли к навязыванию ей своей тематики, ко всяческому принижению ее своеобразия и неповторимости. Здесь можно привести немало примеров, но дело, конечно, не в примерах, а во все более глубоком проникновении либерального мировоззрения в общественное сознание на всех его уровнях. И остановить этот процесс пока не удастся, хотя он ощутимо замедлился.

Поэтому чрезвычайно важно поставить в центр внимания проблему философских основ отечественного цивилизационного Проекта. В Новое время возникли либеральная, консервативная, марксистская философские системы. К концу XX века они исчерпали свой классический теоретический потенциал.

Смена исторических эпох закономерно вызывает реабилитацию философской утопии в последние десятилетия в отечественной и зарубежной литературе. Это знаменательное явление. Известно выражение: история движется вперед утопиями, — особенно оно верно при смене культурно-исторических эпох. Речь, конечно, идет здесь о философской утопии, которая принципиально отличается от художественной утопии и антиутопии.

Как пишет академик А. А. Гусейнов, философия «создает (конструирует) идеальный образ мира, скроенного по меркам человеческого разума. Тем самым она задает параметры разумного, осознанного человеческого существования, являющегося одновременно ответственным существованием, то есть существованием, за которое человек отдает себе отчет и готов держать ответ. Ясно, что такой образ мира может быть утопическим. В этом смысле всякая философия есть утопия»¹. Философские образы мира рисуют не просто желательное будущее, а непременно *действенное* будущее, которое выступает как ценностно-нравственный проект, как перспектива разумного существования человека. В противовес действительному миру, который не удовлетворяет человека, философия мысленно конструирует некое идеальное царство, построенное на других эпистемологических и ценностных основаниях, которые дают человеку новые надежды и открывают перед ним новые перспективы. Философия не только выражает предельные онтологические основания бытия, его универсальные константы, но она также говорит о должном, о совершенном и желаемом устройстве общества.

Философия создает свое идеальное царство мысли — и потому содержит не только рациональное, но и утопическое начало. Утопизм в смысле обо-

1 Гусейнов А. А. Философия как утопия для культуры // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 12.

значения предельных границ новых духовных устремлений конкретной цивилизации в конкретную культурно-историческую эпоху.

Большой цивилизационный проект вырастает из философской утопии. Хотя это будет и неполный анализ, но в данном случае можно ограничиться социальной философией. Пусть будут в сфере мысли конкурировать самые различные и оригинальные философские системы, одни законченные, другие — незаконченные в силу ряда обстоятельств. Но нам нужна отечественная социальная философия, которая опиралась бы на прочные цивилизационные основы России и вместе с тем развивала и обогащала, утверждала бы их; которая в наибольшей степени смогла бы выразить особенности духовного универсума цивилизации России в наступающую новую культурно-историческую эпоху. К сожалению, отечественная социальная философия после окончания господства истмата потеряла свой системный характер. Мы долгое время гордились и продолжаем гордиться тем, что у нас философский плюрализм, можно сказать безбрежный. Но не ведет ли этот безбрежный плюрализм философских взглядов к ослаблению и даже к дискредитации общественной значимости социальной философии как важнейшего интегрирующего начала общественного сознания? Российская мысль не найдет ответов на беспокоящие общество проблемы в чужих книгах. У страны своя история, и ее летописцы и лидеры должны перестать усердно и добросовестно списывать рецепты из чужих учебников.

Философская утопия не является, однако, философским проектом в точном смысле слова, то есть программой, планом, предназначенным для создания строго определенного объекта. Путь движения теоретической мысли от утопического, должного, к стратегическим целям цивилизационного Проекта носит весьма сложный характер. Здесь остается много неясного и спорного.

В самом общем виде Проект представляет собой сложную, рационально обоснованную конструкцию идеального, воображаемого предмета, который субъект Проекта полагает желательным или необходимым для себя и для дальнейшего развития всего общества. Создание Проекта предполагает, что для достижения поставленной цели субъект должен сначала найти, собрать в своих руках и скоординировать взаимодействие необходимых материальных, социальных, иных ресурсов, искать и создавать благоприятные условия для *теоретического начала* практической реализации Проекта и успешного продвижения к поставленной цели. Если все перечисленные обстоятельства имеются в наличии, то разработка и создание Проекта не представляет собой, по большому счету, особую задачу. Либерально мыслящие теоретики выступают против такого рода собирания ресурсов, против всякой мобилизации, поскольку она, мол, вновь приведет к неоправданным жертвам. Жить не спеша, когда мир меняется невиданными ранее темпами, значит, в скором времени оказаться на задворках истории.

В самом общем виде в цивилизационном проекте российского развития можно выделить две главных его составляющие — политическую и культурную. Что касается культурной составляющей, то исходная предпосылка здесь заключается в том фундаментальном факте, что Россию нельзя рассматривать как монокультурную страну. В конфессиональном, а стало быть, и в культурном отношении в России есть и православие, и ислам, и буддизм, и иудаизм, и традиционные религии народов Севера и Юга. Наконец, имеются люди, свободные от любой религии. Это все разные культурные сферы жизни. Поэтому сегодня, видимо, преждевременно говорить об уже найденной «российской идентичности».

Россия — большая страна-цивилизация. Это огромный дом, в котором на протяжении веков складывалось и укреплялось поистине уникальное содружество различных культур, народов, языков, религий и регионов. Культура России содержит в себе огромные ресурсы для самостоятельного и независимого развития страны. Именно культура убедительно показывает, что у страны есть свой неповторимый исторический опыт, определяющий в сущностном плане и этику, и политическое устройство, и общественные отношения. Если деятельность российских людей будет основана на смыслах, заложенных в культуре России, тогда дальнейшее развитие общества в целом, и культуры в том числе, сможет стать успешным.

Как унификация культур, так и отгораживание их друг от друга в равной степени ведут в тупик. Сохранение на протяжении веков многоконфессиональной, многонациональной и многокультурной России — это уникальная особенность российского общества и Российского государства. Причем речь должна идти не просто о сохранении, но и взаимном обогащении культур многонациональной России, а также культур и других существующих в мире народов и цивилизаций. Мы можем с полной уверенностью сказать, культура России постепенно начинает обретать всечеловеческий характер. На этом пути у России есть большое будущее. В этом миссия России. В этом ее историческое предназначение. Вбирать в себя все ценное, что создано культурами других народов, — и тем самым способствовать созданию подлинных всечеловеческих ценностей, пополнению культурной сокровищницы всего человечества. Русский ученый Н. Я. Данилевский говорил об «общей сокровищнице» человечества — это выражение ныне стало общеупотребительным — как о собрании наивысших достижений всех цивилизаций мира, а не одной из них. И кстати, Н. Я. Данилевский, вопреки расхожим рассуждениям либералов, не был противником Запада, непримиримым антизападником.

Данилевский выделял три типа взаимодействия культур. Первыми шагами в отношениях Запада к России были колонизация и прививка. Страна, в которой господствует чужая привитая культура, всегда оказывается позади страны с более развитой культурой. В послепетровскую эпоху Россия теперь пытается все время догнать Европу — но Европа постоянно оказывается впе-

реди. Но и эти времена по большому счету прошли. Третий тип взаимодействия культур — перенос чужих достижений как удобрение, по образному выражению Данилевского, для почвы собственной культуры. Культурные заимствования в области политической системы, экономики, образования только тогда приносят пользу, когда они способны прижиться и развиваться в иных условиях, на иной почве. Это означает, что русские люди сами должны не просто взять готовые достижения, а взять их и проделать с ними всю ту работу, которую проделала культура, производя этот результат. А для этого мы должны иметь свою развитую инфраструктуру, свое образование и науку, свои отечественные институты демократии. И только те заимствования, которые дополняют и обогащают наши собственные достижения, собственную культуру, органично сопрягаются с нею, принимаются обществом, делаются его прочным достоянием.

К сожалению, положение с культурой у нас вызывает чувство большой тревоги. Сейчас наше подрастающее поколение просто отдано на откуп другой культуре, она его и воспитывает. Это означает, что дети теряют связь со своей, отечественной культурой, а старшее поколение теряет связь со своими детьми. То же самое происходит и с русским языком. Любопытен словарь известной молодежной субкультуры «рэп-баттл» — состязания, суть которого состоит в унижении оппонента с помощью слов и рифмосложения. В словаре можно найти также: «биф», «дисс», «капа», «кавер», «майк», «панч», «тейк», «трек», «хайп», «хоуми» (друг). Русский язык теряет не только лексику, свой словарный запас, но уже и синтаксис, правила соединения слов в предложение. Все больше ученых бьет тревогу по этому поводу. Перед нами одна из реальных угроз русскому языку, когда дети и подростки усваивают не только чужую культуру, но и чужой язык. Существует очень много вещей: язык, культура, история, воспитание, — из которых складывается коллективное самосознание, наша национальная идентичность. И все эти стороны требуют особой заботы и внимания со стороны общества и государства.

Можно сказать, что цивилизационный проект для России в результате совместных обсуждений должен создать ясное представление о цивилизации в России как о многосоставном, многоуровневом и многосубъектном образовании, причем таком образовании, в котором каждая из его составляющих могла бы иметь собственную программу развития на длительную перспективу. Но эти программы нужно согласовать так, чтобы согласие стало постоянно достижимой нормой и чтобы все культуры и живущие в них народы вместе могли бы принимать участие в управлении всем этим процессом. Но при условии, что все эти совместные действия будут совершаться в русле собственной логики культуры всей России как целостности, которая будет обеспечивать органическое и успешное становление всесубъектности российского общества и которую можно мыслить как светский аналог соборности.

Если говорить о политических аспектах проекта, то здесь в центре внимания оказывается проблематика империи. Важно перевести ее обсуждение сегодня с идеологического уровня на теоретический, философский уровень. К сожалению, империя исключена из проблемного поля отечественной политологической науки, впрочем, не только политологической. Из просмотра энциклопедий и словарей последнего времени можно сделать вывод о том, что в подавляющем числе случаев империя относится к прошлым эпохам. Обычно ее интерпретируют как монархию, которая возглавляется императором. Согласно краткой заметке, опубликованной в политической энциклопедии, «империя — исторически преходящая форма государства»¹, переходная к национальному государству. Политология принимает эту мысль как норму — империя уходит с исторической арены. На самом деле все обстоит гораздо сложнее. Ученые и политические деятели самых разных ориентаций признают, если говорить о России, что современная Россия сохранила в той или иной степени *основные константы империи*. Но они радикально расходятся во взглядах, куда дальше двигаться обществу — к восстановлению в новом облике империи или продолжить движение, несмотря ни на какие трудности, к созданию в России национального государства по западной модели.

Как известно, одна из отличительных черт традиционных империй состоит в господстве непосредственных, личностных отношений между людьми. Это касается в том числе и личностного характера властных отношений, проявляющих себя как непосредственное господство и подчинение сверху донизу. Это естественно сложившийся тип социальности. Хорошо известно противопоставление Марксом отношений непосредственного господства и подчинения — и вещного, товарно-денежного характера отношений между людьми, которые выступают в форме отношений вещей. Маркс указывал на важность исторического подхода для правильного понимания их субординации: «Эту вещную связь следует предпочесть отсутствию всякой связи между ними или же наличию всего лишь локальной связи, основанной на самом тесном кровном родстве или на отношениях господства и подчинения. Индивиды не могут подчинить себе свои собственные общественные связи, пока они эти связи не создали. <...> Эта связь — продукт индивидов. Она — исторический продукт»². Невозможно представить успешное встраивание принципа разделения властей, концепции общественного договора, частной собственности, рынка, общественного разделения труда в точном, то есть западном, смысле этих понятий, в условиях господства личностных отношений в обществе.

Только в Новое время возникает другой, более высокий тип социальности, связанный со становлением общества модерна, когда отношения между людьми, опосредствованные вещью, становятся господствующими в нем. Принципиальное различие этих двух типов социальности в западном обще-

1 Политическая энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / Нац. обществ.-науч. фонд. М., 1999. С. 429. С тех пор ситуация не изменилась. См. подробнее: Шевченко В. Н. Размышления над книгой И. И. Рогова «Теория империологии» (М.: Книжный мир, 2017) // Полилог. 2019. Вып. 3 (9).

2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. 1. С. 73.

стве в сравнении с не-западными обществами, по существу, подверглось полному изъятию из научного обсуждения специфики сложившихся в этих обществах общественных отношений. Здесь и возникает важный вопрос, по каким причинам выделенные Марксом основные типы социальности обходят стороной подавляющее большинство ученых, оставляют их без внимания?

Отметим, что к концу XX века такие страны, как Китай, Индия, Иран, Россия, в силу исторических обстоятельств не смогли стать национальными государствами по западной модели. Эти государства-цивилизации сохранили в той или иной степени ряд важных констант имперской матрицы, которая получает воплощение сегодня в другой конкретно-исторической форме. Представляется, что сегодня в них складываются сложные, синтезные государственные образования, если говорить о не-западных государствах-цивилизациях, которые включают в себя различные по своей исторической природе элементы. И потому они с общесоциологической точки зрения неорганичны. Этот синтез есть сложный, живой и непрерывно изменяющийся. Китай — один пример, Россия — другой, Иран — третий и т. д. Но общность их — в сохранении культурно-исторической Традиции, идущей из глубины веков.

Вместо национальных государств мы имеем здесь государства, которые можно в первом приближении назвать *импероподобными образованиями*, постепенно приобретающими свое самостоятельное эмпирическое и теоретическое содержание. Такие образования постепенно становятся новым историческим типом государства в условиях становления много-цивилизационного мира.

По мере дальнейшего развития матрица такой государственности будет трансформироваться. И называть такое государство просто реинкарнацией империи — значит не видеть тех важных, а возможно и фундаментальных в обозримом будущем функциональных и структурных изменений, которые претерпевает современное значительное по размерам не-западное государство.

Запрет на государственную идеологию в Конституции РФ оказался запретом на поиск образа Будущего. Сегодня, по-видимому, нет особого смысла навязывать российским людям общеобязательную государственную идеологию и единое унифицированное мировоззрение. Но в массовом сознании, и не только в нем, сложилось твердое убеждение о необходимости создания общенациональной идеологии, которая одновременно являлась бы и символом общенационального примирения и согласия, и выражением стратегических целей общественного развития. Российские граждане вправе знать, что будет в стране и со страной через 10, 20 и даже 50 лет. Без образа Будущего общество обречено на угасание и распад.

Если же говорить об отечественном массовом сознании, то можно с уверенностью сказать, что оно все более настойчиво требует вернуть мечту. Русская мечта, конечно, в чем-то похожа и на американскую мечту, и на китайскую. Она не есть одни лишь беспочвенные и потому бесплодные фантазии,

как нам пытаются внушить сторонники западного образа жизни, призывающие жить сегодняшним днем и не думать о будущем. Русская мечта *всегда жила в обществе на самых различных этапах российской истории*. Это — желанный образ Будущего, главный смысл существования, заветная и лежащая далеко за горизонтом цель, к которой устремляется каждый человек, каждое новое поколение, все народы России на протяжении столетий.

Результаты последних социологических исследований указывают на то, что в массовом сознании российских людей совершенно определенно имеются все те компоненты, из которых складывалась русская мечта в прошлом. Это — чувство справедливости, приверженность социальному равенству, осознание свободы, понимаемой прежде всего как внутренней свободы, признание за государством права быть носителем и защитником идеи общего дела, нравственного идеала; наконец, признание первенства в жизни социальных прав граждан над политическими.

Идеи социализма по-прежнему широко востребованы в разных слоях российского общества. Ведь социализм был и остается реальной альтернативой обществу социальной несправедливости, беспредельного имущественного расслоения и политического бесправия народа. Интерес к социализму значительно вырос в последнее время на фоне грандиозных успехов социализма с китайской спецификой. В этой связи следует обратить внимание на востребованность сегодня многих идей классического евразийства. Известно, что в политическом плане отношения между большевизмом и евразийством были предельно враждебными. Но если брать теоретическую сторону вопроса, особенно работы евразийцев начала 1930-х годов, то в них легко угадывается целый ряд идей перестроечного периода, отвергнутые радикальными реформаторами, но сегодня становящиеся вновь актуальными. К примеру, они твердо придерживались лозунга принятия, мирного преобразования и развития советской системы, советского строя. Они расценивали советы, систему свободно избранных советов как форму прямого народовластия, стоящую выше западной представительной демократии.

Среди других отличительных черт их социально-политического учения можно отметить определение национального субстрата Российского государства как *особой многонародной нации*, подчеркивание особой роли государства в развитии науки и духовности, культуры, роли планового начала в экономике и подчинение частного сектора общему плану государственного хозяйства.

Исходя из понимания действия как внешних, так и внутренних факторов на историческую перспективу развития России, у страны нет другого выбора, как идти вперед к социализму XXI века, к социализму с российской спецификой. Есть много оснований полагать, что идеи нового, гуманистического социализма вполне могут быть положены в основу будущего устройства российского общества, в котором определенное место найдут и многие элементы социального рыночного хозяйства.

В современном обществе эмпирический объем информации, необходимой для принятия стратегически верных решений, настолько велик, что государственной власти приходится создавать многочисленные аналитические центры. Но это не означает, что работы отечественных социальных философов и философов истории будут оставаться невостребованными. Вопрос ведь не просто в востребованности, а в скудном багаже отечественной социальной философии. Представляется, что именно в отсутствии фундаментальных работ по социальной онтологии российского общества и российской истории заключается одна из главных причин нерешенности до сих пор проблем российского цивилизационного проекта. Среди других причин следует отметить также непонимание природы концептуального политического знания, на котором непосредственно строится Проект и которое принципиальным образом отличается от политологической науки³⁶.

И последнее. Сегодня весьма велика вероятность усиления конкуренции больших государств-цивилизаций, существующих на мировой арене. Российскому цивилизационному проекту важно твердо противопоставить себя претензиям чужих проектов на геополитическое лидерство нового типа.

Обеспечение безопасности страны в этих условиях оказывается не просто военно-политической задачей, а внутренним стержнем самого цивилизационного Проекта. Необходимость эффективного противодействия различным военным угрозам, прямого военного нападения на протяжении столетий выступало и выступает константой российской цивилизации, она пронизывает все уровни и сферы сознания общества. С определения условий, при которых возможна эффективная защита от войны, должно начинаться обсуждение конкретных параметров Проекта.

Диалог цивилизаций и конкуренция цивилизационных проектов больших государств-цивилизаций — таковы две реалии становящегося современного полицентричного, много-цивизационного мира. Нахождение баланса между ними в условиях реальных катастрофических угроз, нависших над всем человечеством, есть самое сложное противоречие современности, разрешение которого требует от всех сторон этого необычного дискурса предельной осмысленности, выдержки и ответственности.

³⁶ См. подробнее: *Резник Ю. М., Шевченко В. Н.* Цивилизационный проект для современной России и отечественная социальная философия. Часть 1 // *Личность. Культура. Общество*. 2020. Том XXII. Вып. 1/2 (№ 105/106). С. 279–291.